

УДК 94(47).043

*В. В. Шапошник***ОТНОШЕНИЯ С ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ ЛИТОВСКИМ И ПРИДВОРНАЯ БОРЬБА В РОССИИ В 1533–1538 ГГ.¹**

Аннотация. Рассматривается вопрос о связи отношений между Россией и Великим княжеством Литовским с придворной борьбой при московском дворе. В историографии существует мнение, что одной из причин конфликта в русской придворной элите после смерти Василия III были различные представления по вопросу отношений с Литвой. Однако, как считает автор, в России не было значительных сил, стремившихся к сохранению мира с ВКЛ на основе территориальных уступок, которых требовало королевское правительство. Кроме того, выходцы из западных и юго-западных районов Русского государства не представляли собой единой придворной группировки с общими целями и взглядами на внутреннюю и внешнюю политику. Также изучение отношений с Великим княжеством Литовским позволяет сделать определенные выводы о влиянии тех или иных представителей русской элиты при московском дворе и определить силы, на которые опиралась правительница Елена Васильевна Глинская. Для этого можно обратиться к материалам дипломатических переговоров между Москвой и Вильно и воеводским назначениям периода Стародубской войны (1534–1537). Автор делает вывод, что наибольшее доверие у правительницы Елены Глинской вызывали представители княжеских родов Ярославских и Оболенских, а также московские дьяки. Вместе с тем события весны 1537 г., известные как «мятеж» Андрея Старицкого, едва ли были бы возможны без урегулирования отношений России с западным соседом. В целом же отношения Москвы и Вильно не оказывали, как правило, существенного влияния на борьбу за власть при русском дворе после смерти великого князя Василия III.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Русское государство, Василий III, Иван IV, Елена Глинская, элита, придворная борьба, Русско-литовская война.

1. Смерть великого князя Василия III в декабре 1533 г. серьезно осложнила внутреннее и внешнеполитическое положение Русского государства. Напряженными в это время были отношения с Литвой. Еще при Василии Ивановиче государства порой балансировали на грани войны [1, с. 13–23]. С другой стороны, малолетство нового великого князя Ивана IV было чревато вспышкой придворной борьбы при московском дворе. В историографии существует мнение, что одной из причин конфликта в московской элите были различные представления по вопросу об отношениях с Литвой. Так, А. А. Зимин писал о том, что М. Л. Глинский, князья Бельские и другие выходцы из западных и юго-западных земель Русского государства считали необходимым поддержание

---

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00151 «Изменения состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI–XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)», <https://rscf.ru/project/22-18-00151/>.

мирных отношений с западным соседом, в то время как князья Шуйские и их сторонники стремились к войне с Литвой [2, с. 229–232]. М. М. Кром считает, что в первые месяцы после смерти Василия III проводилась политика оттеснения литовских выходцев. Это связано, с одной стороны, с приближающимся конфликтом с Великим княжеством Литовским, с другой – с обострением розни между местными и приезжими князьями [3, с. 103–104, 106, 108, 111].

Однако связь внутреннего конфликта в московской элите с различными подходами во внешней политике не представляется очевидной. В декабре 1534 г. власть в Москве перешла в руки назначенных умирающим Василием III опекунов [4, с. 21–28]. Одной из основных задач нового правительства было подтверждение международных договоров в связи переменами на престоле. К королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду «объявить» Ивана IV «на государстве» отправили Т. В. Бражникова [5, с. 2–10; 6, с. 11]. В конце февраля 1534 г. посланец привез в Москву королевские грамоты. Из них становилось понятно, что король претендует на возвращение земель, потерянных Великим княжеством при Иване III и Василии III. В начале 1534 г. в Литве было принято решение о войне с Россией [1, с. 26–27].

Впрочем, и в Москве прекрасно понимали неизбежность войны с Литвой. Мнение о том, что существовала некая влиятельная группировка, выступающая за сохранение мира, небесспорно. Русское государство было заинтересовано в сохранении мира с Литвой, но на условиях статус-кво, а позиция литовских правящих кругов делала это невозможным. Выходцы из западных земель России не могли настаивать на сохранении мирных отношений путем уступки территорий (например, Смоленска с округой). Едва ли кто-либо из русской элиты готов был ради сохранения мира, без боя, поступиться землями, находившимися в составе России несколько десятилетий.

Многочисленные выходцы из Великого княжества Литовского (князья Бельские, Воротынские, Мстиславские, Глинские и др.) были недовольны не приближающейся войной с Литвой, а тем, что они или не получили реальной власти при малолетнем великом князе Иване IV или постепенно теряли ее. Причем данной ситуацией были недовольны не только литовские выходцы, но и отдельные представители старомосковского боярства.

Тлеющий конфликт в русской правящей верхушке прорвался на поверхность в августе 1534 г., когда князь Семен Бельский и видный воевода окольничий Иван Ляцкий бежали со службы в Литву [6, с. 13]. После побега были проведены аресты их близких и тех, кого правительство посчитало «советниками» беглецов. Одним из арестованных был князь М. Л. Глинский, задержаны были и другие родственники великой княгини Елены Васильевны Глинской [6, с. 13; 7, с. 13].

Драматические события августа 1534 г. способствовали стабилизации ситуации в русской правящей элите на несколько лет и привели к реальной власти

мать малолетнего великого князя Елену Глинскую. При чем причина событий лета 1534 г. не в противоречиях по вопросам внешней политики и не в стремлении оттеснить выходцев из западных и юго-западных районов России, которые не представляли собой какой-либо единой группировки с общими целями, едиными взглядами на вопросы внутренней и внешней политики. Это была борьба за власть, победу в которой смогла одержать великая княгиня.

2. Изучение отношений с Великим княжеством Литовским позволяет сделать определенные выводы о влиянии тех или иных представителей русской элиты при московском дворе и определить силы, на которые опиралась правительница Елена Васильевна Глинская. Так, в декабре 1533 г. посланца от панов-рад принимали князь Д. Ф. Бельский и М. Ю. Захарьин, собственно им и писали литовские власти. Однако на переговорах присутствовали присланные «от великого князя» тверской дворецкий И. Ю. Шигона и дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин [5, с. 2]. В феврале 1534 г. от панов-рад прибыла новая грамота, адресованная Д. Ф. Бельскому и М. Ю. Захарьину [5, с. 12].

Затем на время официальные контакты были прерваны, а для неформальных переговоров использовался оказавшийся в литовском плену князь Ф. В. Овчина-Телепнев-Оболенский. Его двоюродный брат фаворит Елены Глинской князь И. Ф. Овчина принимал посланца от панов в феврале 1536 г. На приеме присутствовали И. Ю. Шигона, дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин. Эти же лица присутствовали и на других приемах (в мае и июне) [5, с. 14–35].

Во время августовских 1536 г. аудиенций литовских посланников великим князем Иваном заметную роль играли дьяки Меньшой Путятин, Елизар Цыплятев, окольный Д. Д. Иванов. Почетную функцию выполняли – «берегли» великого князя В. В. Шуйский и И. Ф. Овчина-Телепнев. С «медом» к литовцам был отправлен отец известного деятеля середины XVI в. Федор Адашев [5, с. 43–50]. Переговоры, завершившиеся подписанием соглашения о перемирии в начале 1537 г., вели М. Ю. Захарьин, И. Ю. Шигона, Е. Цыплятев, Меньшой Путятин, Ф. Мишурин. В аудиенциях принимали также участие дьяки Третьяк Раков, Афанасий Курицын, оружничий Ф. И. Карпов, окольный Д. Д. Иванов. «Берегли» Ивана IV В. В. Шуйский, И. Ф. Овчина-Телепнев и И. И. Челяднин, «в дяди место». Так как из-за возраста великого князя «стола» не было, то угощение литовским послам было доставлено на подворье И. М. Тучковым, сыном боярина М. В. Тучкова [5, с. 65 и след.]. Ответное русское посольство в Литву для подтверждения перемирия возглавляли боярин В. Г. Морозов, князь Д. Ф. Палецкий и дьяк Василий Загрязский [5, с. 107].

Можно сделать вывод, что значительную роль при московском дворе играли князь И. Ф. Овчина-Телепнев, В. В. Шуйский, М. Ю. Захарьин, И. Ю. Шигона и ряд влиятельных дьяков.

Интересно также проанализировать воеводские назначения в период Русско-литовской войны 1534–1537 гг. Возьмем для примера разряды нескольких походов в Литву, которые были внесены в летопись. Итак, во время первого похода на великое княжество Большим полком командовали князья боярин М. В. Горбатый-Кислый и Н. В. Оболенский, Передовым полком – боярин и конюший И. Ф. Овчина-Телепнев и Н. Б. Туренин, Полком правой руки – П. И. Репнин и П. Ф. Охлябинин, Полком левой руки – В. И. Репнин и И. С. Мезецкий, Сторожевым полком – И. И. Белевский и В. П. Борисов [8, с. 288]. Войсками, действовавшими на северо-западе, командовали: Большой полк – боярин князь Б. И. Горбатый и В. А. Шереметев, Передовой полк – князь М. М. Курбский и Д. Ф. Палецкий, Полк правой руки – князь М. И. Кубенский и И. С. Воронцов, Полк левой руки – Д. С. Воронцов и Ф. С. Колычев, Сторожевой полк – князь Ф. М. Курбский и И. М. Засекин [8, с. 288]. Из Стародуба должна была действовать еще одна группировка под командованием князей Ф. В. Овчины-Телепнева, И. Т. Тростенского, К. И. Курлятева и Д. И. Курлятева [8, с. 288].

Второй крупный поход на Литву в 1535 г. возглавляли: Большой полк – князь боярин В. В. Шуйский и Д. Д. Пронский, Передовой полк – боярин и конюший И. Ф. Овчина-Телепнев, Ф. М. Курбский и В. Ф. Охлябинин, Полк правой руки – А. Д. Ростовский и Н. Б. Туренин, Полк левой руки – В. И. Репнин и И. М. Троекуров, Сторожевой полк – боярин И. Д. Пенков и В. П. Борисов [8, с. 290]. Из Великого Новгорода действовали бояре князь Б. И. Горбатый, М. С. Воронцов и новгородский дворецкий И. Н. Бутурлин [8, с. 290].

Обращает на себя внимание, что в этих крупнейших русских походах времен Стародубской войны среди названных более тридцати высших командиров (некоторые упоминаются два раза, т. е. участвовали в обоих походах) подавляющая часть относится к княжеским фамилиям. Нетитулованные воеводы – В. П. Борисов (из тверского боярского рода), а В. А. Шереметев, трое Воронцовых, Ф. С. Колычев и И. Н. Бутурлин принадлежали к старинному московскому боярству. Из тридцати двух воевод семь не имели княжеского титула. Боярами к моменту походов были шестеро: М. В. Горбатый, И. Ф. Овчина-Телепнев, Б. И. Горбатый, В. В. Шуйский, И. Д. Пенков и М. С. Воронцов. Причем Б. И. Горбатый и М. С. Воронцов были новгородскими наместниками и полками командовали «по должности». Можно полагать, что правительство Елены Глинской не очень охотно доверяло командные должности членам Боярской думы.

Из воевод-князей к Суздальским княжатам относились три (М. В. Горбатый, Б. И. Горбатый и В. В. Шуйский), к Стародубским – один (Д. Ф. Палецкий), к Черниговским – двое (И. С. Мезецкий и И. И. Белевский), к Рязанским – один (Д. Д. Пронский), к Ростовским – один (А. Д. Ростовский). Зато представителей Ярославских князей восемь (И. Д. Пенков, П. Ф. Охлябинин,

М. М. Курбский, М. И. Курбский, В. Ф. Охлябинин, И. М. Засекин, Ф. М. Курбский, И. М. Троекуров). Оболенских же больше всех: девять (Н. В. Оболенский, И. Ф. Овчина-Телепнев, И. Б. Туренин, П. И. Репнин, В. И. Репнин, В. Ф. Овчина, И. Т. Тростенский, К. И. Курлятев, Д. И. Курлятев). Вероятно, наибольшее доверие правительницы вызывали Оболенские и Ярославские князья, представители которых были лично связаны с великой княгиней. Близость Елены Глинской с И. Ф. Овчиной-Телепневым-Оболенским и его роль в правительстве известна, а И. Д. Пенков Ярославский был женат на родной сестре Елены [8, с. 272]. Отметим также, что в войне с Литвой не принимали участия князья Гедиминовичи, например Д. Ф. Бельский или Ф. М. Мстиславский. Связано это было с тем, что брат Д. Ф. Бельского С. Ф. Бельский летом 1534 г. бежал в Литву [8, с. 287], а Ф. М. Мстиславский выехал в Россию сравнительно недавно [9, с. 15]. Вместе с тем они продолжали служить на восточных и южных рубежах страны, что отмечено в летописях и разрядных книгах [8, с. 291; 10, с. 87–89].

3. Определенную роль сыграли отношения между Русским государством и Литвой в эскалации конфликта между правительницей Еленой Глинской и удельным князем Андреем Ивановичем Старицким, который с августа 1536 г. являлся основным династическим соперником Ивана IV. Имеются в виду события, известные как «мятеж» Андрея Старицкого. Подозрения в адрес удельного князя у Елены Глинской и ее окружения существовали, очевидно, уже давно. Однако в условиях войны с Великим княжеством Литовским обострять ситуацию было московскому правительству опасно. Но осенью 1536 г. военные действия на западной границе прекратились. Наступило время переговоров с Литвой, которые начались в Москве в январе и завершились в феврале 1537 г. подписанием перемирия на пять лет [1, с. 90–94]. Таким образом, стало очевидно, что в случае обострения внутривосточной ситуации внутри России, Литва едва ли вмешается в ситуацию. Это позволило московскому правительству перевести конфликт со Старицей в активную фазу. Едва ли это могло быть осуществлено великой княгиней Еленой без урегулирования отношений с Литвой [3, с. 184–185].

4. Отношения Москвы и Вильно не оказывали, как правило, существенного влияния на борьбу за власть при русском дворе после смерти великого князя Василия III. Однако изучение этих отношений позволяет лучше понять позицию и роль тех или иных лиц в московской элите в период правления великой княгини Елены Васильевны Глинской. Вместе с тем события весны 1537 г., известные как «мятеж» Андрея Старицкого, едва ли были возможны без урегулирования отношений России с западным соседом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кром, М. М.** Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений / М. М. Кром. – Москва : Рубежи XXI, 2008. – 140 с.

2. **Зимин, А. А.** Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. / А. А. Зимин. – Москва: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 512 с.
3. **Кром, М. М.** «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века / М. М. Кром. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – 888 с.
4. **Шапошник, В. В.** К вопросу о завещании Василия III / В. В. Шапошник // Вестн. Санкт-Петербургского гос. ун-та. Сер. 2. – 2009. – Вып. 2. – С. 21–28.
5. Сборник Русского исторического общества: в 148 т. / Под ред. Г. Ф. Карпова. – Санкт-Петербург: Тип. Елеонского и Ко, 1887. – Т. 59. – 629 с.
6. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Под ред. М. Н. Тихомирова. – Москва: Знак, 2009. – Т. 29. – 400 с.
7. **Зимин, А. А.** Краткие летописцы XV–XVI вв. / А. А. Зимин // Исторический архив. – 1950. – Вып. 5. – С. 3–39.
8. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. – Москва: Языки русской культуры, 2001. – Т. 8. – 312 с.
9. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. – Москва: Наука, 1978. – Т. 34. – 304 с.
10. Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В. И. Буганова. – Москва: Наука, 1966. – 614 с.